

Миллионам почитателей творчества Ван Гога, наверно, трудно осознать и полнотой принять такое его суждение: "Милле, именно Милле — это отец, то есть вожатый и советчик во всем для молодых художников". Сдержанный французский живописец, певец крестьянского труда и горестной старости, изображавший на своих полотнах согбенные от физических усилий и духовной сосредоточенности фигуры, Жан-Франсуа Милле (1814-1875) в конце XX века остается в тени великих мастеров. В то время как его младший брат, выходец из Голландии, ни разу не встретивший своего наставника в реальной жизни и вообще решивший заняться живописью лишь через пять лет после кончины Милле, Винсент Ван Гог (1853-1890) пребывает и столетие спустя в центре творческих, коммерческих, да и попросту совершенно бескорыстных интересов обитателей всех континентов.

Казалось, на выставке "Милле/Ван Гог" в музее Орсе картины младшего художника могли затмить неброское творчество того, кого он выбрал себе в учителя. Но этого не происходит. Что касается Ван Гога, то ему ничто и никто не может помешать, тем более тот, кто вдохновлял его самого долгие годы. Напротив, строгий Милле в присутствии Ван Гога неожиданно просветляется и углубляется, по-новому открывается даже такому зрителю, который и не предполагал, что у него может пробудиться интерес в подобном направлении.

Почти одновременно с основанием в середине 80-х годов в Париже музея Орсе (посвященного искусству XIX века) в Амстердаме была уже устроена подобная выставка: "Милле — Ван Гог". Спустя десятилетия на этот примечательный художественный

диалог решились взглянуть и во Франции — и большая сопоставительная экспозиция из 85 работ обоих художников открылась в сентябре в музее Орсе и продлится до января будущего года. На ней делается попытка проследить эволюцию восхищенной заинтересованности новичка, начало его знакомства с творчеством признанного барбизонца по сравнению случайным репродукциям, затем вниматель-

ное рассматривание Ван Гогом в оригинале 95 пастелей Милле на посмертной распродаже его работ в 1875 году. Спустя пять лет Ван Гог начал по-ученически копировать некоторые вещи Милле, в дальнейшем пробовал и забыть о нем, окупившись в постимпрессионистскую среду. Наконец, в последние два года жизни он создал шедевры, в которых ощущал такую силу, что ничуть не приходил в смущение, осуществляя даже прямые заимствования сюжетов и композиции Милле.

Именно к этому периоду и следует, вернее всего, отнести знаменитые слова Ван Гога, что он отнюдь не просто копирует, а *интерпретирует*, — причем именно в таких сюжетах еще безудержнее отдаваясь пиршеству красок, столь контрастирующему со сдержанной манерой самого Милле.

Но главное, что лежало в основе творчества двух художников, никак не разделяло их, напротив. Это было не прекращавшееся у обоих до конца жизни размышление на тему того, что ждет человека *потом*, постоянное свидетельство о присутствии в повседневной жизни труженика "чего-то оттуда, свыше" (как охарактеризовал суть крестьянских работ Милле Ван Гог в одном из писем); наконец — выделенная Ван Гогом в полотнах Йозефа Изразельса "Старые друзья" и Милле "Смерть и дворовосек" известная мысль, подчеркнутая еще Лафонтеном: "Девиз человека — скорее страдать, но

все же не умирать" (или, как пересказал Крылов: "Что как бывает жить ни тошно, а умирать еще тошней").

На выставке в музее Орсе представлены и шедевры Милле из постоянной экспозиции этого музея "Собирательницы колосьев" (1857) и "Ангелус" (1857-1859; на русский это можно было бы перевести еще как "Вечерняя молитва" или "Благовест"); последняя картина приобрела во Франции с годами статус своеобразной эмблемы, национального пластического символа (на ее покупку народные избранные в 1889 году отказались, однако, выделить относительно умеренную сумму, запрошенную министром искусств Антоном Прустом, и картина впоследствии была возвращена на родину уже из Америки Альфредом Шошаром, частным коллекционером, директором универмага "Гран магазин дю Лувра". Ему в 1890 году эта вещь обошлась уже почти вдвое дороже и была демонстративно завещана Лувру, куда попала только в 1909 году, после кончины собирателя).

В экспозиции собраны многочисленные изображения крестьян Милле и Ван Гога, живопись, пастели и графика, наброски и разрисовка Ван Гога поверх журнальных репродукций Милле. Сопоставляются провинциальные пейзажи, в том числе родные места Милле ("Церковь в Гревиле", 1874) и место упокоения отца Ван Гога ("Крестьянское кладбище", 1885).

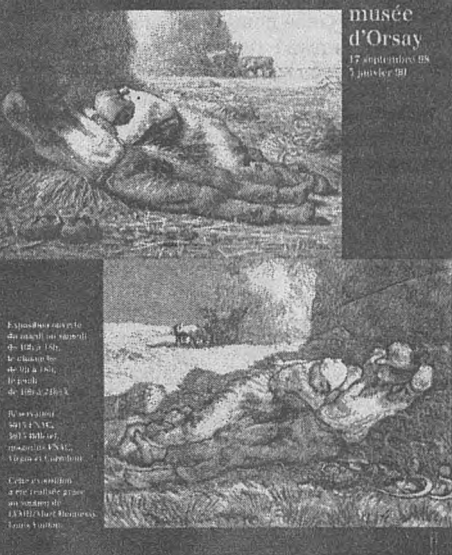
В центре экспозиции — "Сеятель" Милле (1850), положивший начало целому ряду интерпретаций этого образа Ван Гогом; несколько из них можно увидеть на выставке — от не слишком вольной копии 1881 года до поздних работ 1888-го (в бескрайнем поле на фоне восходящего солнца) и более близкой к "оригиналу" — 1889 года.

Наконец, по соседству друг с другом экспонируются две картины, ставшие эмблемой выставки: прибывшая из Бостона крошечная пастель Милле "Полуденный сон" (1866) и зеркально отражающий ее холст Ван Гога "Сиеста" (1890), выполненный им по гравюре Ж.-А.Лавьея.

Организаторы выставки не стремились объять необъятное, и трудно удержаться от сожалений по поводу отсутствия на ней таких малодоступных (по

Millet/Van Gogh

musée
d'Orsay
17 septembre au
1 janvier 90

крайней мере для парижан) работ Милле, как "Крестьяне, вскапывающие землю" (1866) из Бостона или "Крестьянская семья" (1872) из Кардиффа, которые даже по стилю, не только по внутреннему звучанию, неожиданно переключаются с некоторыми будущими вещами Ван Гога.

Выставка завершается на довольно торжественной ноте. Тема последнего зала — "Импровизация в цвете", а именно — сказочный звездный фейерверк. В зале экспонируются рядом "Звездная ночь" Милле (1867) и одноименный холст Ван Гога 1889 года, который передан по завещанию в музей Орсе всего лишь три года тому назад: настоящий подарок посетителям выставки. Однако после этих звездных праздников тем не менее тянет вернуться к сумрачным и светлым, тусклым и ярким фигурам и пейзажам основных залов...

СЕРГЕЙ ДЕДЮЛИН

Санкт-Петербург — Париж

Русская мысль. — Париж. — 1998. — 15-21 окт. — с. 17